

0- 780021

На правах рукописи

КЛИНТУХ Ирина Ивановна

**ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ**

**Специальность 22.00.06 – социология культуры,
духовной жизни (социологические науки)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Ростов-на-Дону – 2009

Работа выполнена в Педагогическом институте
ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»
на кафедре социологии, политологии
и обществоведческого образования

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Шевченко Александр Михайлович

Официальные оппоненты:
доктор социологических наук, доцент
Михайлов Андрей Павлович

доктор социологических наук, профессор
Смоленский Михаил Борисович

Ведущая организация:
Ростовский филиал
ГОУ ВПО «Российская академия правосудия»

Защита состоится «23» декабря 2009 г. в 13.00. часов на заседании
диссертационного совета Д. 212.208.19 по социологическим наукам
при ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет» по адресу:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Педагогического института ФГОУ ВПО «Южный федеральный
университет» по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

Автореферат разослан «23» ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621547

Л.Я. Хоронько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Рост преступности в России последние десятилетия связывают с состоянием переходности и проблемами, порождаемыми рыночной трансформацией российского общества. Юристы и социологи с тревогой пишут об ускоренной криминализации всех общественных отношений, криминальной деформации экономической, социальной, политико-правовой и духовно-нравственной сфер жизни общества, об угрожающем характере этих процессов. Действительно, рост уровня преступности значительный: на территории бывшего СССР за последние 30–40 лет преступность увеличилась в среднем в 6–8 раз, количество регистрируемых преступлений при постоянном сокращении численности населения впервые превысило порог 3,5 млн уголовно-наказуемых деяний¹, при том что реальный объем преступности намного больше – 9–12 млн преступлений в год².

Количественный рост преступности не является абсолютным показателем специфической трансформации российского общества. Во-первых, рост преступности, пусть не столь значительный, как в 90-е годы, наблюдался на протяжении всех послевоенных десятилетий. Так, преступность несовершеннолетних с 4–6 % в конце 40-х годов возросла до 15–20 % в конце 80-х³. А во-вторых, преступность во всем мире за последние четверть века увеличилась примерно в 5 раз, причем самый высокий ее рост и относительно высокие темпы прироста фиксируются в наиболее богатых, развитых и демократических странах (кроме стран СНГ, где темпы роста еще выше). В Швеции и Великобритании преступность возросла в 6–7 раз, во Франции – в 5–6 раз, в Германии – в 3–4 раза⁴.

Трансформация российского общества, характеризующаяся как его криминализация, связана не только с количеством преступлений, и даже не с качественным изменением самой преступности (масштабное разграбление якобы «бесхозной» государственной собственности, структурная трансформация преступности в сторону увеличения

---

¹ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник. М., 2007. С. 8–9.

² См.: Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации / Генеральное предупреждение // Российская газета. 2005. 25 янв.

³ Карпец И.И. Преступность как реальность // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 91.

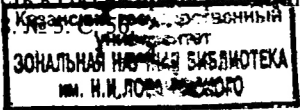
⁴ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. С. 8.

корыстных преступлений, в частности насильственной преступности корыстного характера, криминализация правящей элиты¹). Но превращение делинквентных практик в норму социального действия и трансформация элементов делинквентности в образ мышления и ценностно-нормативную основу социального существования и взаимодействия выступает, на наш взгляд, явным показателем качественных изменений российского социума.

Качественная трансформация социума делает неэффективными традиционные способы борьбы с преступностью, такие, как усиление репрессивных мер и ликвидация социальных причин совершения преступлений. Создание систем социального контроля и защиты населения от преступных посягательств необходимо, но недостаточно, если правонарушение «поселяется» в головах людей. Таким образом, декриминализация общества затрагивает всю социальную систему, но требует специального воздействия на процессы культурного воспроизводства делинквентности, чем и определяется наш интерес к социокультурному содержанию процессов криминализации российского общества и социокультурному основанию делинквентного поведения.

Степень разработанности проблемы. Проблемы девиантного и делинквентного поведения рассматривали многие российские и зарубежные авторы. В работах Э. Дюркгейма, Р. Мертон, Т. Парсонса, Д. Рисмена, Н. Смелзера, П. Сорокина, Э. Фромма и других авторов заложены фундаментальные социологические подходы к исследованию данной проблемы. Первые отечественные работы, специально рассматривающие проблему девиантного поведения в теоретико-методологическом ракурсе появились в начале 70-х годов. До этого усилия социологов, юристов, социальных философов были направлены на изучение пьянства, наркотизма, самоубийств, преступности как социальных пороков и социальных проблем. Я.И. Гимпельсон и А.Г. Здравомыслов были теми авторами, которые заложили основы рассмотрения девиантного поведения как социального явления. В дальнейшем в исследованиях таких авторов, как В.С. Афанасьев, П.П. Баранов, С.В. Бородин, Я.И. Гилинский, Ю. Голик, В.М. Димов, А.Н. Евдокимов, С.А. Завражин, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, Л.Г. Ионин, В.П. Казимирчук, В.И. Карасев, В.Т. Кондратенко, В.Н. Кудрявцев, Е.Н. Куриленко, Л.А. Ланцова, Ю. Латов, О. Лысягин, С.В. Максимов, В.И. Мареев, А.А. Матвеева, И.В. Маточкин,

¹ Лунев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1993. № 3. С. 10-11.

О. Осипова, В. Олешкевич, В.Д. Плахов, Н.Е. Покровский, В.А. Попов, А.Ю. Рожков, Л.С. Рубан, А.Л. Салагаев, П.А. Скобликов, В.Ф. Статкус, А. Сухарев, А.А. Тайбаков, Ю.В. Тонкошкурова, К.А. Феофанов, Д.С. Чукмаитов, В.А. Шапинский, Д.А. Шестаков, А.М. Яковлев и других, социальные девиации рассматриваются как в теоретическом, обобщающем плане, так и на уровне эмпирических исследований. Авторы специально уделяют внимание сравнительным, компаративистским, кросскультурным исследованиям девиантного поведения. Как социальный механизм развития социальные девиации рассмотрены специально в работах Я.И. Гилянского и О.С. Осиповой. Исследование маргинализации общества и влияние этого социального явления на девиации и делинквентность изучаются в работах А. Атояна, И. Поповой, Е. Садкова.

Преступности как важнейшей и общественно опасной девиации посвящены работы таких авторов, как Р.М. Акутаев, С.В. Алексеев, Б.В. Андреев, И.П. Башкатов, С.В. Бородин, С. Ванюшкин, И.А. Двойменный, В.Н. Демидов, А.И. Долгова, Е.С. Дорофеева, О. Евданова, А. Елисеев, И.И. Карпец, Ю.Г. Карпухин, А.В. Кива, В. Клочков, С.В. Кочеткова, В.Н. Кудрявцев, А. Кузнецов, А.М. Ларин, В.В. Лунеев, В. Лыков, И.М. Мацкевич, Е.А. Мельник, М.Г. Миненок, Г.М. Миньковский, И.Б. Михайловская, В.М. Николайчик, И.П. Портнов, В.П. Ревин, Д.В. Ривман, Р.А. Сахиева, И. Сундиев, Т.Г. Татицина, Ю.Г. Торбин, Ю.В. Труневский, В.А. Тутинас, В.С. Устинов, В.Г. Федотова, А.Н. Чураков, Е.Д. Шелковникова, Е.М. Юцкова и др. В работах Т.И. Заславской, О.В. Крыштановской, Ю.В. Латова, Р.В. Рывкиной криминализация российского общества рассматривается в контексте трансформации социальной структуры.

Российские ученые А.Ю. Аршавский, А.Я. Вилкс, А. Борбат, В.С. Журавлев, С.А. Завражин, Е.Г. Зинчук, Т.В. Иванова, Л.Л. Каневский, Ю.Г. Карпухин, В.С. Катин, С.Г. Климова, М.В. Королева, В.А. Лелеков, Д.Е. Немировский, М.Р. Оганесян, Б.Я. Петелин, В.Г. Попов, П.П. Попов, Ю.Н. Прохоров, Т.Г. Татицина и др. рассмотрели ключевые проблемы преступности несовершеннолетних и молодежи, проблемы непроступного противоправного и агрессивного поведения подростков, выявили различные аспекты влияния на молодежь преступных сообществ, а также роль криминальных субкультур в процессе социализации подростков и молодежи.

Стараниями таких авторов, как Б. Болотский, Л.Д. Гаухман, О. Дмитриев, И.В. Ильин, В.О. Исправников, Т. Карягина, М.П. Клей-

менов, Л.Я. Косалс, В.В. Куликов, С.В. Максимов, Е.Л. Логинов, В.В. Лунеев, Р.В. Рывкина, Л. Тимофеев и др., разрабатывается массив знаний, посвященных теневой экономике, экономическим преступлениям и правонарушениям.

Проблемы формирования правовой культуры, правосознания и правового поведения получили достаточно подробное освещение в работах П.П. Баранова, В.А. Бачина, И.А. Ильина, В.И. Каминской, А.И. Кирпичникова и др. Правовой нигилизм можно рассматривать как основу распространения формирования в современном обществе делинквентных практик. Развитие в обществе правового нигилизма рассмотрены Н.В. Варламовой, А.В. Колесниковым, Н.И. Матузовым, А.И. Новиковым, М.Б. Смоленским и др. Социокультурные аспекты девиации и делинквентности исследовались менее активно. Следует назвать исследование М.Б. Смоленского, посвященное социокультурному анализу правовой культуры, монографию А.В. Артюхова, в которой рассмотрены механизмы социокультурной легитимации делинквентных практик, работы В.Н. Кудрявцева, В.И. Катина и некоторых других авторов. Но в целом можно признать социокультурные аспекты делинквентности слабо разработанным разделом знаний в отечественной науке и направить усилия на заполнение данной теоретической «ниши».

Целью диссертационного исследования является разработка теоретической концепции социокультурной обусловленности делинквентного поведения и анализ делинквентизации российского общества в процессе глубоких изменений, связанных с трансформацией социально-экономической системы.

Задачи исследования:

- предложить теоретико-методологическую интерпретацию понятий девиантное, делинквентное, преступное, правонарушающее поведение;
- выявить социокультурные причины делинквентного поведения, доказать социокультурную обусловленность делинквентности как явления переходного общества;
- выявить социокультурные факторы распространения делинквентных практик в трансформирующемся российском обществе;
- выявить связь между социальными процессами переходного периода и развитием делинквентных практик в российском обществе;

- рассмотреть ювенальный аспект делинквентности российского общества, изучить социокультурные особенности делинквентных практик молодежи;
- изучить социокультурные процессы, связанные с экспансией делинквентного поведения в российском обществе.

Объект исследования – переходное российское общество и делинквентное поведение россиян в условиях социальной трансформации.

Предмет исследования – процессы социокультурного обусловливания делинквентности в современном российском обществе.

Теоретико-методологической основой исследования являются теоретические работы отечественных и зарубежных социологов в области социологии девиантного и делинквентного поведения, социологии преступности, социологии права, социологии культуры. При этом автор опирался на фундаментальные социологические подходы к исследованию девиантного поведения, представленные в работах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Н. Смелзера, П. Сорокина. Особенно следует отметить теоретико-методологическое значение «дисфункциональной» концепции отклонений в социальном поведении известного американского социолога Р. Мертон, концепцию социальных изменений и культурной травмы П. Штомпки, теорию и методологию социокультурной инсценировки в работах Л.Г. Ионина, «репрезентативной культуры» Ф. Тенбрука. Акцент на социокультурный анализ делинквентности заставляет автора специально обратиться к теоретико-методологическим разработкам в области социокультурного подхода Н.И. Лапина, а также к содержательному анализу данной темы, представленному в работе А.В. Артюхова. Методологический принцип единства культуры и социальности, лежащий в основе социокультурного подхода, позволил представить превращение делинквентных практик в норму социального действия как трансформацию делинквентных субкультур в ценностно-нормативную основу социального взаимодействия в рамках всего общества. В контексте социокультурной динамики делинквентности следует отметить методологическое значение понятия контркультуры как механизма трансляции социокультурного опыта, представленного в работах И.Б. Громовой и В.Н. Леонтьевой.

Изучение влияния делинквентных практик на развитие переходного российского общества стало возможным на основе привлечения в качестве методологического принципа синергетической концепции в интерпретации таких авторов, как В.В. Василькова, М.С. Ельчанинов, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г. Николис, И. Пригожин, И. Стенгерс,

а также работ Т.И. Заславской, исследовавшей механизмы социальной трансформации современного российского общества.

Эмпирической базой исследования служат результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии РАН, Институтом социально-политических исследований РАН, Институтом экономики РАН, Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, ВНИИ МВД РФ, Департаментом уголовного розыска МВД России, ВЦИОМом, исследовательским центром РОМИР, Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Центром социологических исследований МГУ, а также результаты социологического замера, проведенного среди учащихся старших классов общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону в сентябре–октябре 2009 г.

Новизна данного исследования заключается в следующем:

- делинквентность рассмотрена как специфическая форма девиантного поведения, выявлены отличия делинквентности как правонарушения от преступности, что позволило развернуть исследование в специфическом ракурсе;
- выявлены четыре уровня влияния социокультурных факторов на распространение делинквентного поведения в трансформирующемся российском обществе: традиционно-национальные, обусловленные социокультурным кризисом позднесоветского общества, состоянием аномии и переживаемой населением социокультурной травмы переходного российского общества, факторами глобализации современного социокультурного пространства;
- на широком эмпирическом материале рассмотрены трансформация старых моделей поведения и формирование делинквентных практик в переходном российском обществе;
- обоснована социокультурная экспансия криминальных и делинквентных субкультур в современном российском обществе;
- социокультурная экспансия криминальных и делинквентных субкультур рассмотрена через призму поколенческих сдвигов в формировании нормативных моделей;
- рассмотрено и обосновано формирование делинквентности как стиля жизни в современном российском обществе;

– экспансия делинквентности представлена как тенденция-аттрактор социокультурных изменений современного российского общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Делинквентное поведение представляет собой специфический вид девиации и определяется как противоправное действие, нарушение правовой нормы. Суть делинквентного поведения заключается в нарушении прав или создании препятствий реализации чьих-либо субъективных прав, в отказе от выполнения социальных обязательств, выраженных в юридической форме, что следует из определения правовой нормы. Как социальное явление делинквентность не только представляет собой совокупность единичных противоправных деяний разной степени общественной опасности, но и включает широкий спектр правонарушений – от зафиксированных в позитивном праве преступлений до ненаказуемых в рамках механизма позитивно-правовой регуляции этических отклонений и гражданско-правовых деликтов. Необходимость комплексного рассмотрения делинквентности определяется общностью природы правонарушений и преступлений, единством причин и условий делинквентных поступков, возможностью перехода менее тяжких форм делинквентности к более тяжким – преступности.

2. Социокультурным источником и причиной делинквентности становится несоответствие новых условий деятельности и транслированных культурным механизмом ценностей и норм поведения, возникающее прежде всего в переходных состояниях или в результате различных событий, приводящих к расколу и социальной дезорганизации. Резкое прогрессирование делинквентности не только порождается переходными состояниями, но и выступает неотъемлемой характеристикой современности. Благоприятную почву для развития делинквентных практик представляют: 1) анонимность и опосредованный характер социальных взаимодействий современной городской цивилизации; 2) маргинализация динамично изменяющегося социума; 3) постоянное воспроизводство противоречия социокультурными целями и наличными средствами их достижения, разрешаемое индивидами и социальными группами в делинквентных практиках; 4) индивидуализация целей в сочетании с высокой степенью свободы относительно терминальных ценностей; 5) снижение роли ограничителей, налагаемых высшими солидарностями.

3. Влияние глобализации на процессы формирования делинквентных практик двойственное. С одной стороны, возникает ряд объективных предпосылок расширения делинквентных практик, связанных с виртуализацией экономики, интенсивным развитием на этой почве транснациональной организованной преступности, снижением возможностей правительств национальных государств в управлении обществом и в борьбе с преступностью. Трансферт инокультурных ценностей и стандартов жизни вызывает противоречие между экономическими реалиями общества и завышенным уровнем притязаний, часто разрешаемое в делинквентных практиках. Перенос ценностей и норм в новую среду без их инкорпорации в культурную матрицу ведет к растерянности субъектов при выборе практик на координатной оси норма – делинквентность. С другой стороны, инокультурные контакты в процессе глобализации ведут к интеграции мирового сообщества на основе правовых методов регулирования, формирования единого правового пространства, что выступает способом коррекции специфических национальных факторов делинквентности.

4. Выявлены четыре уровня социокультурных факторов делинквентизации российского общества. Наиболее глубокий комплекс факторов определяется спецификой национального сознания – неуважение к закону, неверие в государственные институты права и справедливости в сочетании с сервиллизмом и чиновничеством, возникших на основе российской традиции уравнивания в гражданско-правовом бесправии всего общества при неравенстве судебной системы. Социокультурный кризис позднесоветского общества, усиливший традиции неправового регулирования, делинквентных способов решения проблем обеспечения повседневных нужд и социального двоемыслия, выступает следующим пластом социальной памяти, определившим склонность россиян к делинквентным практикам. Трансформационные процессы 90-х годов составляют третий уровень социокультурных факторов делинквентности. Четвертый уровень представляют собой процессы глобализации, трансформирующей культурные коды различных обществ.

5. Одной из важнейших проблем российского переходного общества становится расширение поля делинквентных практик, превращение их во всеобщую норму социального действия и трансформация элементов делинквентности в образ мышления. Признаки качественной трансформации российского общества на основе делинквентности проявляются в превращении делинквентных практик в

наиболее эффективный и социально легитимный способ социальной адаптации, в трансформации социальной структуры на основе делинквентных способов социального действия, в превращении делинквентных практик и делинквентных субкультур в способ социализации молодежи и подростков, формировании социально привлекательного, престижного стиля жизни, специфической чертой которого выступает делинквентность.

6. Усиление репрессивных мер не может рассматриваться как эффективная стратегия в борьбе с делинквентностью. Эффективная программа профилактики правонарушений должна строиться на основе целостного социокультурного комплекса факторов делинkvентизации российского общества и включать: 1) меры по преодолению абсолютной и смягчению относительной депривации; 2) создание условий реализации моделей правовых действий; 3) формирование эффективной системы санкций, пресекающей и наказывающей отклонения от правовой нормы; 4) включение в систему санкций мер не только поощрения правоориентированного поведения, но и защиты людей, индивидуально противостоящих делинквентности; 5) развитие правовой культуры и правосознания россиян.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты и выводы, сделанные в ходе исследования проблемы, расширяют научные представления о характере и направленности социальных процессов в современном российском обществе и могут быть использованы для решения проблем его реформирования. Основные положения исследования могут быть использованы в сфере государственного и муниципального управления, в работе правоохранительных органов, в социальной работе при создании механизма профилактики делинквентности. Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе в ходе чтения курсов и спецкурсов по социологии, социальной психологии, социальной работе, культурологии, криминологии в высших учебных заведениях.

Апробация результатов работы. Материалы исследований были отражены в 6 публикациях общим объемом 3,38 п.л., в том числе в изданиях перечня ВАК 1 статья, объемом 0,7 п.л. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к постановке на защиту в диссертационный совет на кафедре социологии, политологии и обществоведческого образования Педагогического института Южного федерального университета.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, подводящего итоги работы, а также библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, описывается научная новизна и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ

В первой главе диссертационной работы «**Социологические особенности изучения культурных аспектов делинквентности**» выявлено место делинквентности в системе понятий девиантологии, определены причины делинквентности и социокультурные факторы распространения делинквентных практик. С учетом основной цели исследования, а именно – анализа делинквентизации российского общества в условиях социальной трансформации, особое внимание уделено проблеме национальной специфики социокультурной делинквентности и влияния процессов глобализации на распространение делинквентных практик в современном мире.

1.1. Делинквентность в системе понятий девиантологии. Автор отмечает, что благодаря усилиям многих известных ученых узкодисциплинарные исследования, не имевшие единой теоретико-методологической базы, сложились в специальную отрасль социологического знания, в рамках которой возможно изучение различных форм девиации как проявления закономерностей и механизмов социального развития. Базовым понятием для рассмотрения делинквентности стало понятие девиантного поведения, понимаемое в методологическом плане, не столько как совокупность отдельных поступков негативного толка (наркомания, суициды, преступность, алкоголизм, сексуальные извращения и т. д.), сколько как социальное явление, связанное с поведенческими отклонениями от социальной нормы и имеющее ментальные социокультурные характеристики.

Социальная норма – это способ воспроизводства социального целого через индивидуально-массовое поведение. Добровольность

следования социальным нормам содержит в себе постоянную возможность отклонения. В дюркгеймовской социологической традиции всякая девиация, вплоть до преступления, считается «нормальной», но конкретные девиантные поступки, нарушение конкретных норм, несмотря на «нормальность» социального явления, должны контролироваться и наказываться. Только тогда мы можем говорить о «нормальном» обществе как обществе эффективной нормативной регуляции.

Проблема критерия девиации предполагает не только оценку соответствия поведения конкретного субъекта содержанию конкретной нормы, но и определение области действия этой нормы, выделение субъекта оценивания. Социологи подчеркивают существование норм различной степени общности: универсалистские и партикуляристские. Партикулярность норм проявляется прежде всего в отношении отдельных социальных групп и субкультурной девиации как особой системы норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества, а также выделении норм в соответствии со сферами и направлениями деятельности – политика, экономика, бытовая сфера, правовая деятельность. Большинство социальных норм так или иначе связаны со специализацией социальных институтов. Право обычно относят к институциональным средствам нормативной регуляции. Правовая норма представляет собой установленные или санкционированные государством общеобязательные формально-определенные предписания. Нарушение правовой нормы, определяемое как противоправное деяние, представляет собой специфический вид девиации – делинквентность. Суть девиации.

1. Поскольку правовая норма предоставляет участникам регулируемого отношения субъективные права и возлагает на них юридические обязанности, то делинквентное поведение включает в себя в той или иной форме нарушение или создание препятствия реализации субъективных прав и отказ от выполнения социальных обязательств, выраженных в юридической форме.

2. Всякая социальная норма содержит в себе возможность ее нарушения, поэтому обязательным условием нормативной регуляции является наличие санкций как механизма принуждения к исполнению нормы и как специфической реакции референтной группы на поведение субъекта, отклоняющееся от правовой нормы. Таким образом, наказание не является исключительной приметой делинквентности, но в отношении правонарушений общественная реакция прописыва-

ется в норме закона, устанавливающего само право и способы и формы его нарушения.

Преступление выступает крайней и наиболее опасной формой делинквентности. Но преступлением считаются только те действия, которые определены законодательством как таковые. Законодатель должен формулировать нормы закона на основе согласованной и консолидированной позиции общества и направлять их на охрану прав личности и самосохранение общества как структурной организации. Но существует возможность отнесения к преступлению не только тех действий, которые представляют собой объективную опасность для общества, но и тех, которые представляются опасными для политических и экономических элит с точки зрения их групповых и классовых интересов. Существование люфта между социальной реальностью преступности и ее описанием в нормативно-правовых документах позволяет реальному преступному поведению и его нормативному описанию изменяться относительно свободно друг от друга при взаимном влиянии друг на друга. Для многих противоправных деяний трудность определения заключается в установке границы, до которой деяние представляет собой непреступное правонарушение, после которой – преступление. Окончательное решение принимает законодатель, определяя границы общественной опасности и устанавливая контуры преступности.

Но то, что представляет собой проблему для криминологии, позволяет социологии расширить поле анализа и включить в исследование весь спектр правонарушений, составляющих исследуемое явление, а в преступности видеть не только совокупность единичных общественно опасных деяний, а магистральную линию целостного социального процесса реализации делинквентности. На примере коррупции можно увидеть многообразие преступных и непреступных правонарушений, составляющих это широкое социальное явление, грань между которыми не всегда фиксируется четко, зачастую оказывается слаборазличимой (автор рассматривает эту идею на примере коррупции как совокупности коррупционных преступлений и коррупционных проступков, этических отклонений и гражданско-правовых деликтов). Согласно расчетам В. Лунеева каждый третий человек в России совершает ежегодно один административный деликт или преступление. С учетом высокой латентности число совершаемых правонарушений трудно предположить¹. Но в силу общно-

---

¹ Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тен-

сти природы правонарушений и преступлений, единства причин и условий делинквентных поступков рост правонарушений ведет к росту преступлений, лица, совершившие менее тяжкие преступления, в делинквентной среде скатываются к совершению более тяжких.

1.2. Социокультурная детерминация делинквентного поведения. Механизм нормативной регуляции включает в той или иной форме решение субъекта следовать существующей норме или отступить от нее, исполнить социальное требование или отказаться от него. Веским доводом в пользу следования норме могут стать санкции как негативного (принуждение, угроза, осуждение), так и позитивного плана (различного рода поощрения, подкуп). Иногда этот выбор совершается бессознательно. Автоматизм действия может происходить вследствие психических импульсов, продиктованных психической конституцией человека, характером его психических реакций. Исследования психологической стороны совершаемого нормативного выбора не способны объяснить регулярное следование нормам значительного числа людей. Индивидуальная склонность и личный интерес слишком непостоянны, чтобы на их основе формулировать социальные закономерности, считал Э. Дюркгейм. Нормативные факторы, налагающие ограничения на поведение людей, по мнению Т. Парсонса, аналитически независимы не только от экономических интересов, управляющих мотивационной основой деятельности, но и от интересов политической власти, хотя именно она издает законы, которым должны следовать рядовые граждане. Нормативная символическая связь возникает на основе усвоения общих символов, формируемых социетальной подсистемой и транслируемых культурной традицией. Функцию культуры он объясняет более понятной современному человеку аналогией с генетическим кодом биологического вида, который обеспечивает этому виду значительную структурную устойчивость.

Информационно-генетическая аналогия распространяется не только на пояснение механизмов социокультурного наследования, но и на механизмы социокультурной изменчивости. Для возникновения социальности нового типа необходимы изменение фундаментальных основ культуры, сбой культурного механизма наследования, сбой устоявшейся программы деятельности. Девиации представляют собой всеобщую форму, механизм, способ изменчивости социальной системы. Соответственно, делинквентность можно рассматривать как результат сбоя программы поведения, ориентированного на право-

вую норму. Источником и причиной делинквентности становится несоответствие новых условий деятельности и транслированных культурным механизмом ценностей и норм поведения.

Одной из первых социологических теорий, описывающих процесс и механизм социальной эволюции, была концепция Э. Дюркгейма, которая включала описание состояния, возникающего при переходе от общества традиционного к современному типу, от общества механической солидарности к обществу органической солидарности. Между этими состояниями пролегает переходный период, когда строгие нормы традиционного коллективного регулирования уже не работают, а новые нормы солидарности еще не сложились. Ослабление норм, регулирующих поведение индивидов, отсутствие твердых социальных ориентиров и коллективной солидарности ведет к тому, что в обществе решающую роль начинают играть индивидуальные человеческие страсти. Отсутствие социальных ограничений разнообразия индивидуальных мотиваций и поведенческих форм ведет к росту социальных отклонений.

В дихотомических концепциях социальной эволюции переходный период, производящий аномию и социальные девиации, теоретически единственный. Польский социолог П. Штомпка разрабатывает концепт социокультурной травмы, позволяющий учесть особенности социальных изменений в кризисных условиях, вызванных различными причинами, а не только обстоятельствами переходного периода. Как травма переживаются неожиданные и радикальные социальные изменения, приводящие к расколу и дезорганизации в упорядоченном социальном мире. Обязательным признаком социокультурной травмы является утрата смыслов, которые ранее воспринимались как само собой разумеющиеся, разрушение жизненного мира и привычного образа жизни, в результате утраты смыслов, осознание того, что обычные модели поведения, действия и мышления больше не работают. Активность человека проявляется в его поисках выхода из травмы и конструировании стратегий преодоления травматических ситуаций. Одним из таких выходов становится делинквентность, поскольку культурная травма как социальное явление связана с аномией и ценностным вакуумом как отсутствием четких ценностных приоритетов и предпочтений, равнодушие к морально-правовой стороне поступка, если это не грозит санкциями.

Исторически преступность возникла вместе с позитивно сформулированными нормами – законами. Но изучение социокультурных

оснований делинквентности показало, что рост делинквентности не только порождается переходными состояниями, но и выступает неотъемлемой характеристикой современности. Во-первых, урбанизация породила изменение характера социальной связи человека и общности. Города классической древности были неразрывно связаны с земельной собственностью и сельским населением окрестных регионов. Западноевропейские средневековые города стремились изолироваться от окружающих территорий, устанавливая привилегии городскому ремеслу, ограничивая окружающее население в подобных занятиях. Цеховая форма ограничивала прилив населения в города. Но по мере развития капиталистических отношений города привлекали все больше и больше людей, как правило, маргиналов, готовых к совершению делинквентных поступков при отсутствии сдерживающего фактора в виде социальных обязательств. Появляется современный город, в котором снижается роль соседских персонафицированных отношений и взаимных обязательств, возникает феномен анонимного соседства – благодатной почвы для развития делинквентных практик в условиях отсутствия других факторов социокультурной регуляции. Во-вторых, ослабление социальных связей в современном обществе не является следствием травмы или кризиса, а представляет собой его сущностную характеристику, индивидуализация и маргинальность – естественное, «нормальное» состояние современного общества. В-третьих, современное общество, культивируя ценности успеха и различные формы социальной мобильности, производит противоречие между социокультурными целями и наличными средствами их достижения, разрешаемое индивидами и социальными группами в делинквентных практиках.

В структурно-функциональных концепциях акцентируется момент стабильности и интеграции систем социального взаимодействия, а делинквентность рассматривается как нарушение этого порядка, отторжение основных его параметров. Но если рассматривать социальный порядок как «...взаимопорождающее взаимодействие между личностью и социальной структурой»¹, то делинквентность выступает как трансформация способов разметки социального пространства, разрушения социальных диспозиций. Функцию кратковременного разрушения социальных диспозиций, нарушения порядка обычной жизни, отмены законов, запретов и ограничений повседневного мира в средневековой Европе выполнял карнавал.

---

¹ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998. С. 80.

Современная социальная жизнь, с ее повышенной социальной мобильностью, опосредованным характером социальных взаимодействий, неопределенностью и незащищенностью индивида, утратой контроля индивидом над большинством социальных процессов, значительно расширяет поле карнавальной логики. Тяготение современных подростков и некоторых людей к преступной субкультуре также вписывается в логику карнавализации – надевание маски сильного, уверенного человека, берущего от жизни все, но сохраняющего дистанцию маски в реальности – ни один из принимающих маску не хочет с ней срастись полностью. Утверждаемая современным обществом индивидуализация жизни, довольно высокая степень свободы относительно терминальных ценностей и снижение роли ограничителей, налагаемых высшими солидарностями, выступают современными социокультурными факторами криминализации и расширения делинквентных практик.

1.3. Национальное и глобальное измерения делинквентности. Национальное и глобальное измерения выступают полярными принципами объяснения распространенности делинквентных практик в России. Одни авторы пытаются разглядеть криминальные склонности в национальном характере россиян и надеются на спасительное влияние западной цивилизации, другие настаивают на высочайшей духовности русского народа, которая заметно снижается под влиянием «вестернизации», «американизации» и т.д. Рассмотрев аргументы в пользу каждого из приведенных взглядов, автор пришел к выводу, что связь делинквентности с русским национальным характером сильно преувеличена. Все теории, наделяющие одни народы набором положительных черт, другие – набором отрицательных, несостоятельны. Сравнительная криминологическая характеристика большинства преступлений, совершенных в советском обществе, в первые годы постсоветского периода и в развитых странах Запада, обнаруживает скорее социально-экономические, чем национально-психологические различия. Исследования социокультурной детерминации делинквентности позволяют нам сформулировать предположение, что практики и аттитюды делинквентности во многом определяются наличием соответствующих культурно-символических кодов, кристаллизованных процессами социокультурного развития данного общества. Факторы делинквентизации практик следует искать в особенностях исторического развития и вынужденности мно-

гих способов адаптации россиян к социально-политическим и экономическим реалиям современного им общества.

Осмысление базовых кодов русской культуры в работах В. Соловьева и Н. Бердяева показывает отсутствие стремления к реализации черт западноевропейских, немецких принципов разумности, честности, порядочности, облегчающих социальное и межличностное взаимодействие, и антиномичность черт характера народа, при которой ценности культуры, весьма достойные и привлекательные, могут оборачиваться антиценностями-слабостями, содержащими коды оправдания и снисходительного отношения к социальным девиациям и делинквентности. Обратная сторона российских ценностей, сдержанное отношение к закону, противопоставление закона справедливости, слабость стимулов к труду, бережливости, склонность к небрежности выступают основой национального российского кода делинквентности, склонности к противоправным действиям.

Изучение фольклорного пласта русской культуры показало не столько антиправовую направленность сознания россиян, сколько их неверие в государственные институты права и справедливости. Обратная сторона неуважения к закону, проявляющаяся на уровне повседневных взаимодействий, – это сервилизм и чинопочитание, т.е. качества человека, лишённого достоинства и сознания прав личности. Истоки сервилизма обычно видят в суровости и деспотизме власти, вынужденной именно таким образом организовывать управление огромными географическими пространствами. География определяет не только суровость и деспотизм власти, но и меру попустительства. Отсюда известная двойственность положения каждого человека в государстве – строгое подчинение при известной степени свободы от начальства. Определение свободы через расстояние имеет обратную сторону – полная зависимость от «ближнего» начальства, обладающего возможностью произвольного толкования правовой ситуации (закон – что дышло; до Бога высоко, до царя далеко и т. д.). Таким образом, переплетение политики и географии даёт своеобразный противоречивый комплекс черт, имеющих непосредственное отношение к формированию делинквентных практик, – двоемыслие и правовой нигилизм.

Данный комплекс национального сознания объясним не только географически, поскольку национальный характер не может быть вырван из конкретной истории. Вероятнее всего, что события, связанные с татаро-монгольским нашествием, существенно трансформировали культурный код нормативного регулирования российского

общества. Автор соглашается с В.П. Макаренко, что татаро-монгольское нашествие явилось поворотным пунктом российской истории, изменившим логику отношений российской власти и российского народа. Западноевропейское правовое регулирование сложилось как поиск компромиссов между сословиями и социальными группами, в то время как российская традиция заключалась в уравнивании в гражданско-правовом бесправии всего общества при неравенстве судебной системы.

Отмеченные национальные особенности нормативно-правового регулирования и правоотношений в определенной степени корректируются процессами глобализации, не только связывающей всю планету экономико-информационными связями, но и трансформирующей культурные коды различных обществ. Рассмотрев этот вопрос подробнее, автор приходит к выводу, что глобализация выступает фактором преодоления и ослабления специфически российских кодов делинквентности, но при этом становится фактором распространения других ее форм.

Распространению делинквентности способствуют виртуализация экономики и интенсивное развитие на этой почве транснациональной организованной преступности. Глобализация ведет к значительному снижению возможностей правительств национальных государств в управлении обществом и ослаблению роли государства в борьбе с преступностью, узурпации преступными элементами государственных функций, формированию теневого правосудия, криминального контроля над перераспределением государственного дохода.

Глобальная информационная среда уменьшает значение национальных границ, способствует трансферу инокультурных ценностей и норм, часто не обеспеченных экономическими реалиями общества, завышая уровень притязаний. Так, ценности успеха, уровня материального потребления, не обеспечиваемого реальной экономической ситуацией, через рекламу, телевидение, кино входят в жизнь многих людей, влияют на уровень притязаний, зачастую чрезмерно завышая его. При отсутствии реальных возможностей достижения этого уровня выбирается преступно-инновативный.

Глобализация осуществляется как перенос ценностей и норм в новую среду зачастую без их переплавки и интеграции. На культурном уровне это представляет собой серьезный вызов социальному порядку, потерю ориентиров, противоречие норм и возможность, допущение делинквентных практик. Плюрализм норм и принципов,

требование толерантности к различным этнокультурным, религиозно-конфессиональным порядкам ведут к растерянности и возможности выбора координатной оси норма – делинквентность.

Инокультурные контакты в процессе глобализации ведут не только к потере ориентаций относительно ценностно-нормативных систем, но и к трансформации мирового пространства на основе правовых методов регулирования. Благодаря международным контактам и договоренностям формируется единое правовое пространство, право превращается в наднациональный инструмент нормативного регулирования.

Глава II. Социокультурные факторы, социализирующие аспекты и профилактика делинквентности

Полученные в первой главе выводы стали методологическими принципами анализа распространения делинквентных практик в современной России, переживающей период масштабной социальной трансформации, связанной со становлением рыночных отношений. Мы исходим из того, что делинквентность поведения россиян в определенной степени определяется национальной спецификой российского правосознания, но ее рост объясняется кризисным состоянием российского (советского) социума накануне реформ, стремительностью рыночного реформирования и глобальными факторами социального развития. В данной главе диссертационного исследования социокультурный кризис российского общества рассмотрен через призму делинквентных практик; рассмотрены перспективы процесса делинквентизации общества и возможности профилактики делинквентности, специально выделены проблемы формирования делинквентности подрастающего поколения.

2.1. Социокультурный кризис переходной России и проблема делинквентности. Один из наиболее удачных концептов для осмысления и оценки событий, происходящих в российском обществе 90-х годов, как нам представляется, предложен польским социологом П. Штомпкой, тем более что в качестве способа проведения реформ была выбрана «шоковая терапия». Привлекая многочисленные статистические показатели и результаты опросов, автор показал не только снижение реальных доходов россиян, но и «травматичность» их субъективных переживаний, вызванную потерей жизненной перспективы и возможности адаптации к ней.

Оценивая результат приспособления людей к новым социально-экономическим условиям, социологи выделяют группы россиян, та-

кие, как «преуспевающие», «адаптированные», «выживающие». Согласно статистическим данным число дезадаптированных составляет не меньше трети населения — именно столько находились за чертой бедности. Качественный анализ социальной структуры переходного российского общества показывает, что к дезадаптированным слоям относятся нижние социальные слои и андеркласс, или социальное дно. Социальное дно современного российского общества включает: различные люмпенизированные маргинально-периферийные группы, представители которых отторгнуты обществом, отчуждены от него (бомжи, нищие и т. д.), и различные группы криминального мира (кроме его верхушки). Очевидно, что для этих слоев населения делинквентные практики выступают формой адаптации к жизни в новых условиях. Рост уличной преступности в первые годы реформ косвенно подтверждает существование вынужденных криминальных форм адаптации маргиналов.

Но социальная маргинальность не связывается исключительно с преступностью низших слоев общества. Исследования корыстной преступности показывают, что среди низших слоев доминирует мотив поиска денег на спиртное, в то время как в мире и в России отмечается рост «беловоротничковых» форм корыстной преступности: фальсификация бухгалтерских документов, финансовые нарушения и уклонение от уплаты налогов, нечестная конкуренция, монопольные преступления, создание фиктивных организаций, нарушения эргономических требований и стандартов, нарушения экологических требований, отмывание преступно нажитых денег и собственности. Широкое распространение приобретают практически неизвестные в России ранее налоговые правонарушения, мошенничества с подложными авизо и чеками «Россия», хищения и незаконный вывоз за рубеж сырья, цветных и редкоземельных металлов, энергоносителей и других важнейших экономических ресурсов, мошенничества при проведении ваучерной приватизации. Некоторыми авторами сама приватизация определяется как широкомасштабная афера, совершенная в интересах определенных слоев.

Связь с профессиональной деятельностью и высокое социальное положение субъекта, а также отсутствие заявлений от конкретных физических лиц, потерпевших от преступления, латентизируют экономическую преступность.

Различаются механизмы социокультурной легитимации преступлений, совершаемых представителями социального дна и высших со-

циальных слоев. Еще К. Маркс писал, что нужда и нищета толкают на преступление бедных и обездоленных, в то время как богатых, обеспеченных, власть имущих – жажда наживы. Направленность преступления против конкретного лица вызывает большее неприятие общества, чем изъятие денег у «абстрактного» государства, тем более с учетом социокультурной традиции противопоставления народа и власти. Во-ришка или обидчик конкретного лица в лучшем случае может рассчитывать на жалость к его «несчастной доле» или объяснение через аргумент «среда заела». Иное дело крупная экономическая преступность. Основной мотив экономических преступлений – стремление к приобретательству, богатству – в условиях перехода к рыночному обществу получает общественное признание, поскольку связывается с необходимостью развития в российском обществе предпринимательства.

Легитимация богатства и приобретательства как социальной ценности может рассматриваться как катализатор делинквентности, но не ее причина. Необходима легитимация делинквентных средств накопления и приобретения богатства. Большое распространение получила линия легитимации делинквентности, опирающаяся на традиционно российское отчуждение народа и государства как собственника всех материальных богатств. Делинквентные практики в отношении государственной собственности оправдывались дефицитом и низкой оплатой труда. В новых экономических условиях ссылаются на «грабительские» налоги и необходимые выплаты; торговля выступила социальным амортизатором, смягчившим трудности социальной адаптации населения к рыночным реалиям. Отсутствие разработанной и непротиворечивой нормативно-правовой базы, а также ослабление социально-правового контроля привели к тому, что рынок оказался полем активных противоправных, криминальных практик. В работе специально рассмотрена сфера стихийно-рыночной торговли и челночного предпринимательства как область продуцирования делинквентных практик.

Делинквентизация российского общества заключается не только в возрастании числа преступлений и правонарушений, но и в распространении этих практик на все сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную и духовную. Например, полем напряженных делинквентных практик выступает миграция, сферы образования и здравоохранения и т.д. Но самым опасным является распространение делинквентности в среде органов охраны правопорядка и в молодежной среде. Делинквентизация первых подрывает в обще-

стве саму идею права, делинквентизация вторых уничтожает перспективы цивилизованного развития конкретного общества. Поэтому в следующем параграфе рассматривается ювенологический аспект проблемы делинквентности.

2.2. Ювенальный аспект делинквентности российского общества. Рассмотрение ювенального аспекта российской делинквентности начинается с констатации фактического роста криминологической активности молодежи в 90-е годы. Отмечена также статистическая тенденция омоложения преступности. Физиологические и психологические особенности возраста не являются решающим основанием молодежной делинквентности. Хотя очевидно, что большая живость, активность, эмоциональность молодежи скорее толкают ее на «поиски приключений» и совершение преступлений на улице. Склонность молодежи к хулиганским поступкам также подстегивается известной акцентуированностью молодых характеров. Но сопоставление возраста и конкретного состава преступлений показывает не столько психофизиологические, сколько социальные, социально-психологические и социокультурные зависимости, объяснимые с позиций особенностей жизненного и социализационного цикла. Так, например, совершение мошеннических действий требует определенного знания жизни, психологии людей; они почти никогда не совершаются спонтанно (в отличие от краж) и требуют подготовленности, проработанности мошеннической схемы. Растрата предполагает занятие ответственной должности, предполагающей доступ к финансам и материальным ценностям, в то время как корыстная преступность несовершеннолетних и молодежи, рост которой отмечают исследователи, в основном распространяется на незаконное завладение различными видами импортной и отечественной техники, радио- и фототоварами, автомашинами, модной одеждой и т. д. Сами подростки утверждают, что гораздо чаще, чем с воровством, они сталкиваются с драками и хулиганством. Для подростковой преступности наиболее характерны драки и хулиганство, происходящие на улицах. «Пик» уличных преступлений, связанных с насилием, приходится на время с 20.00 до 21.00 часа, и заметно снижается в выходные, праздничные и каникулярные дни, когда родители больше внимания уделяют подросткам. Спонтанность и отсутствие заранее продуманных планов не означает, что преступные действия молодых людей немотивированы или не имеют достаточных оснований. Условно мотивы противоправных поступков молодежи и подростков разделяют на корыстные

и некорыстные, хотя реальные действия мотивационно многообразны. Корыстный мотив – незаконное завладение имуществом может включать множество некорыстных мотивации. Так, кража мобильного телефона может быть вызвана желанием завладеть «недоступным» материальным благом, продать краденую вещь и получить деньги, а может вызываться «мстью» неприятному человеку, стремлением доказать свою храбрость и т. д. Так же как и во взрослом мире, предмет кражи может определяться стандартами престижного потребления. Среди некорыстных мотивов непосредственно с проблемами возраста связаны мотивы подростковой солидарности, поэтому преступления несовершеннолетних совершаются по большей части в группах.

Групповая солидарность доминирует в качестве мотива совершения делинквентных поступков среди подростков и молодежи в связи с морально-нравственной незрелостью молодых людей, низким уровнем правового сознания и направленностью личности в этом возрасте на преимущественный поиск образцов социальной и групповой идентичности. Поэтому делинквентные практики можно рассматривать как способ конструирования собственной идентичности и способ преодоления возрастных «кризисов идентичности».

В результате идентификации себя с персонажами масс-медиа – кинозвездами, героями боевиков, популярными спортсменами, музыкантами и т. д., возникают псевдоидентичности. «Негативные» идентичности представляют собой восприятие ролевых моделей, противоположных предлагаемым официальной культурой. К негативным идентичностям можно отнести увлечение молодежи криминальной культурой. Высокая степень криминального влияния видна в распространенности среди молодежи элементов преступной субкультуры, таких, как «блатной жаргон», татуировки с некоторыми типичными тюремными сюжетами, уголовно-тюремный фольклор, и в попытках структурирования отношений по типу криминальных.

Считается, что основным источником распространения информации о преступности в обществе являются средства массовой информации. Это верно в отношении общества в целом и старших возрастных групп. Для молодежи и подростков информационная ситуация иная в силу особенностей возраста. Подростки в большей степени ориентированны на каналы межличностного общения со сверстниками и значимыми для них людьми. О влиянии криминальных личностей и криминальных группировок на социализационные процессы

подростков и молодежи говорят факты знакомства многих несовершеннолетних правонарушителей с криминальными «авторитетами».

Влияние криминала и конституирование делинквентных практик автор объясняет не только трудностями и особенностями процесса конструирования эго-идентичности в подростковом возрасте, но и как результат противоречий процесса освоения социализационных норм. Юность представляет собой важнейший период социализационного цикла, специфика которого заключается в том, что при максимально интенсивном усвоении социализационных норм социальный статус молодого человека характеризуется различными ограничениями: временной ограниченностью периода формирования личности, ограниченной дееспособностью юноши или девушки, ограниченным числом социальных позиций и малым разнообразием социальных функций. Проблемы и противоречия этого периода вызваны различного рода рассогласованиями – между практикуемой делинквентностью (вынужденной или в силу давления среды) и собственными представлениями, ценностями молодого человека, между ценностями его группы и собственными идеалами, а также конфликтом относительно культурно определяемых границ допустимых отклонений и границ предпочтительного поведения. Для молодого человека эти конфликты возникают прежде всего в ценностно искаженной и нормативно деформированной среде – неблагополучных семьях и деструктивных группах. Попытки заглушить экзистенциальный вакуум, возникающий в этой среде, осуществляются с помощью стратегий карнавализации и подмены подлинных чувств, отношений и деятельности их суррогатами.

Неблагополучные семьи характеризуются высоким процентом семейного насилия. Причем шлепки, тычки, затрешины, подзатыльники, пощечины, запираания в кладовках, стояние в углу и другие разнообразные формы наказаний многими людьми, как родителями, так и молодыми людьми, не считаются проявлением насилия. Таким образом, насилие входит в культурную ткань общества в качестве стереотипов поведения и мышления. Но даже в относительно благополучных семьях довольно высок уровень притесняющего воздействия, характеризующегося отсутствием грубого физического насилия, но создающего препятствия к осуществлению прав и свобод. Объект, подвергшийся притеснению, испытывает чувство незащищенности, обиды, боли, потери собственной личности, утраты человеческого достоинства. Но главный урок, который извлекают как обидчик, так и обижаемый, как притеснитель, так и притесняемый, – это возможность и даже эффек-

тивность достижения целей путем безнаказанного нарушения прав другого человека. Таким образом, насилие и притеснение выступают мощнейшим фактором формирования делинквентности, поскольку препятствуют нормальной правовой социализации личности.

2.3. Социальные последствия делинквентизации российского общества. В данном сюжете исследования поставлены следующие вопросы: каковы социальные последствия распространения в обществе делинквентных практик, существуют ли возможности изменения и профилактики делинквентизации общества? Для того чтобы рассмотреть данные вопросы, автор обращается прежде всего к социально-синергетической методологии, популярной среди девиантологов.

В синергетической концепции способом сохранения системы через ее изменение выступают флуктуации, колебания, нарушающие равновесные состояния системы через образование течений и противотечений, способных как создавать нарушения статистической упорядоченности системы, так и восстанавливать динамическое равновесие. Социум как открытая система, обладающая постоянно реализуемой способностью энергоинформационного обмена с окружающей средой, находится в постоянном изменении – флуктуации. Одной из форм реализации социальных флуктуаций является отклоняющееся поведение. Обычно флуктуации осуществляются в рамках определенных структур, в пределах общей направленности процессов. Именно таким образом возникает картина «макроустойчивости» при «микроколебаниях» системы. Кардинальные трансформации выступают результатом слишком сильных флуктуаций. В социуме изменения определяются также микроколебаниями, на уровне массовой индивидуальной деятельности определенного типа. Так формируется тенденция-аттрактор, влекущая систему к определенному иному состоянию. Разделяя девиации на созидательные и разрушительные, в соответствии с трактовкой Я.И. Гилянского, О. Осиповой, можно предположить общую направленность тенденции. Позитивными девиациями являются те, которые в качестве социальных инноваций вводят в социальные практики новые способы адаптации социума к изменяющимся условиям, формируя наиболее прогрессивный в адаптационном плане вектор общественной трансформации. Так оценивалась в литературе 90-х годов преступная деятельность советских спекулянтов, фарцовщиков, «цеховиков».

Проанализировав данную позицию, автор пришел к выводу о необходимости чрезвычайно осторожно высказываться относительно

позитивной направленности делинквентности. Конечно, можно сказать, что названные выше субъекты делинквентных практик восполняли дефициты советской экономической системы и поэтому их девиации способствовали функционированию экономической системы, а нормативизация их новых практик вела к выходу системы на «более высокий уровень организованности». Но в социальной легитимации экономических преступлений как прогрессивной, опережающей время деятельности и легитимации их с позиций высокой теории видятся более значимые социокультурные основания правового нигилизма россиян как негативно-отрицательного отношения к законам и нормативно-правовому порядку, чем в «национальной специфике русских». Поскольку изменения системы определяются микроколебаниями на уровне многочисленной индивидуальной деятельности, то, возможно, более значимой была тенденция массового правонарушения, порождавшая правовой нигилизм не только теневых акторов, но и всех членов общества, пользовавшихся их услугами либо наблюдавших социальную успешность правонарушающих стратегий.

Уточняя механизмы и последствия реализации правонарушающих практик, автор вновь обращается к институциональным и социокультурным концепциям. В отличие от «обезличенной» синергетической методологии, рассматривающей поведение системы в точке бифуркации как пересканирование флуктуационного фона и стабилизации какой-либо флуктуации, социокультурные концепции акцентируют внимание на активности субъекта и его сознательном выборе. С позиций типологизации поведенческих стратегий и социально-трансформационной активности делинквентные практики однозначно относятся к разрушительному типу. Выбор этих практик продиктован, по сути, пренебрежительным отношением к нормам социального целого. Но, к сожалению, в России складываются условия, когда именно этот вид практик, реализуемых на разных уровнях социального здания, становится тем «относительно рациональным ответом акторов» на вызываемые реформами изменения условий жизнедеятельности, который «существенно меняет базовые социальные практики». О превращении делинквентности в один из наиболее успешных способов адаптации говорит анализ социальной структуры трансформирующегося российского общества. Делинквенты, т. е. лица, практикующие правонарушения различного рода, не только занимают социально-депривированные позиции, но и размещаются на всех ступенях социальной иерархии, вплоть до ее верхушки.

Трансформационная активность субъектов делинквентных практик проявляется по-разному, от разграбления экономического потенциала до весьма специфического влияния на законодательный процесс. Но самое важное в социокультурном смысле трансформационное воздействие этих групп – это легитимация делинквентности за счет очевидного социально-экономического успеха и уголовно-правовой безнаказанности. Но если в обществе за счет «показательной» деятельности силовых групп легитимизирована делинквентность как принцип достижения успеха, а за счет массовых групп происходит «расползание» делинквентности в социальном пространстве, то возникает возможность трансформации социальной системы на уровне социетальных процессов. Таким образом делинквентность становится социокультурной матрицей общества, воспроизводящей на всех уровнях и сферах правонарушения действия.

Методологические принципы социокультурного и социально-синергетического анализа позволяют обозначить еще один пласт, или пространство, «перехода» – трансформацию криминальных и делинквентных субкультур в ценностно-нормативную основу социального существования и взаимодействия в рамках всего общества. Экспансия субкультур, практикующих делинквентность, осуществляется как превращение делинквентности в новый свод правил и принципов, новый образ жизни, привлекательный для большинства населения, не чувствующего государственную поддержку законопослушного поведения. Суть делинквентности как образа жизни заключается в трансформации правил, норм и жизненных предписаний этого общества в «неправильные», но удобные и целесообразные, в возможности произвольного толкования применительно к ситуации норм и правил, а также в произвольном, не санкционированном большим обществом присвоении ролей и прав. Данный образ жизни получает стилевое оформление в качестве характерной манеры, отличительной черты, стандарта поведения людей, выраженных не только в мотивах поведения, т.е. субъективно, но и во внешних проявлениях, в тех аспектах жизнедеятельности, которые вслед за Т. Вебленом принято называть «демонстративным потреблением», – марка автомобиля, количество этажей в доме, характер досуга, место отдыха и т. д.

Констатация факта социетальной деформации общества в направлении его делинквентизации требует постановки вопроса о возможностях его «излечения» и профилактики распространения правонарушающих практик. Организации системы профилактики – сложная

и кропотливая работа, включающая меры по преодолению абсолютной и относительной депривации, которая является источником делинквентности, и созданию условий, когда каждый человек сможет противостоять делинквентности и делать выбор в пользу законности и правопорядка. Только в сознательном и последовательном отказе от участия в делинквентных практиках формируется антиделинквентная установка личности и происходит формирование правового общества на социетальном уровне: антиделинквентное поведение выступает теми флуктуациями системы, которые создают тенденцию-аттрактор, влекущую систему к определенному состоянию – правовому обществу.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, обобщены полученные результаты и выводы и намечены перспективные направления дальнейшей работы по данной проблеме.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи из перечня ведущих научных журналов и изданий ВАК:

1. *Клинтух И.И.* Социокультурные истоки делинквентности// [Текст] / И.И. Клинтух// Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Спецвыпуск «Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук». – Ростов н/Д, 2009. (0,7 п.л.)

Научные статьи, доклады, тезисы:

2. *Клинтух И.И.* Делинквентная субкультура.// [Текст] / И.И. Клинтух// Актуальные проблемы современных гуманитарных наук. – Ростов н/Д, 2009 (0,62 п.л.)
3. *Клинтух И.И.* Социальные причины делинквентного поведения молодежи // [Текст] / И.И. Клинтух// Социология и общества: пути взаимодействия: материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Ин-т социологии РАН: Российское общество социологов, 2008. (0,1 п.л.)
4. *Клинтух И.И.* Делинквентное поведение в период социализации// [Текст] / И.И. Клинтух// Социально-гуманитарные проблемы современной России: сб. науч. статей / под ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов н/Д: Наука-Пресс. 2007. (0,4 п.л.)
5. *Клинтух И.И.* Социокультурная детерминация делинквентного поведения // [Текст] / И.И. Клинтух// Известия АМИ Международная славянская академия образования им. Я.А. Каменского. Педагогический институт ЮФУ, Академия молодых исследователей. № 3// 2009 г. (1,0 п.л.)
6. *Клинтух И.И.* Ювенальный аспект делинквентности российского общества // [Текст] / И.И. Клинтух // Актуальные проблемы современных гуманитарных наук. – Ростов н/Д, 2009. – (0,56 п.л.)

Подписано в печать 20.10.2009. Формат 60 x 84/16.
Ротапринт. Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 201
ИПО ПИ ЮФУ
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33.
тел. (863) 272-67-43.